

АННА ЗЕНЬКОВА

ГРИГОРИЙ

без отчества

БАБОЧКИН

Анна Зенькова Григорий без отчества Бабочкин

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63314922

Григорий без отчества Бабочкин: КомпасГид; М.; 2020

ISBN 978-5-00083-751-1

Аннотация

Григорий Бабочкин и Герман Сто... нет, Герман Бабочкин и Григорий Столяров. Два совершенно непохожих подростка. Один мечтает стать хоккеистом, идёт к этому семимильными шагами, попутно становясь любимцем всех вокруг. Другой – объект всеобщих насмешек, но при этом как будто... бесстрашный? безрассудный?

Две противоположности сходятся, открывают друг в друге что-то, чего им самим недостаёт. Кажется, что эта Настоящая Мужская Дружба поможет обоим справиться с чем угодно: с тревогой перед соревнованием, с семейными трудностями и непониманием близких, с травлей и насмешками. Так и есть – но лишь до тех пор, пока в дело не вмешивается первая любовь. Пока незнакомое чувство не запускает часовой механизм – который взорвёт мину замедленного действия в самый неожиданный момент...

Новый роман Анны Зеньковой – удивительной силы текст, раскрывающий личности 14-летних героев во всём противоречии и во всём том общем, что есть у подростков. Построенная в форме двух аудиодневников, которые Григорий и Герман ведут в течение учебного года, книга отзовется в душе у каждого – подростка или взрослого.

Анна Зенькова – молодая писательница, победитель конкурса «Подросток N», организованного «КомпасГидом» совместно с «Лабиринтом» в 2019 году. Её дебютная повесть «С горячим приветом от Фёклы» удостоилась Крапивинской премии в почетной номинации «Выбор Командора», а едва выйдя в свет, попала в списки лучших детских произведений и получила множество хвалебных отзывов – в том числе как «достоверная книга о взрослении, в которой нет разделения на добрых и злых персонажей, но есть место обстоятельствам жизни и личному выбору». Вторая изданная «КомпасГидом» книга Анны Зеньковой, «Григорий без отчества Бабочкин», столь же осторожно касается неоднозначных семейных и социальных тем – и создаёт правдивый портрет поколения.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 1. Первый раз в новый класс	6
Глава 2. Проза или поэзия? Поэзия или проза?	32
Глава 3. Мир, труд, май	67
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Анна Зенькова
Григорий без
отчества Бабочкин

© Зенькова А., текст, 2020

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2020

Глава 1. Первый раз в новый класс

Б

► Приём-приём... Как слышно меня? Приём...

Хэлло, короче! Как ваше ничего, уважаемый дневник? Или всё-таки дорогой? Нет, стоп. Дражайший! Ха-ха.

А если серьёзно, то это просто форменный бред. Дневник! Пф-ф... В наше время? Ну бред же, нет?

Но только не для Леокадии, конечно. Этой как стрельнёт в головушку! Хотя о чём я? Там и головы толком нет, одна сплошная облачность.

Ну я, конечно, всё понимаю. Филологи – они такие... кхм-кхм. Как говорит моя бабушка, возвышенные – типа в облаках летают. Но Леокадия эту планку давным-давно взяла. Я вот подозреваю, что она уже и в космосе побывать успела, причём не единожды. Потому что там та-а-акой видок! Реально внеземной, особенно волосы. Все эти странные начёсы – сразу и не поймёшь, человек перед тобой или гуманоид.

Я ей так и сказал:

– Моя твоя не понимать, гражданка Нейтири¹. Ху из днев-

---

¹ Главная героиня кинофильма «Аватар» (2009) режиссёра Джеймса Кэмерона. (Примеч. авт.)

ник? Или ты случайно планетой ошиблась?

Ну ладно, просто подумал. Но выражение лица, когда оно есть, в словах не нуждается! Во всяком случае, Леокадия меня сразу поняла. И заявила:

– Вот бы ты Фета так вдохновенно исполнял, как кривляешься! Но увы, увы...

Нормально, да? Это я-то – увы? Да чтоб она знала, по мне уже давно Голливуд плачет. Вон, пусть химичку спросит, если не верит. Та подтвердит!

В общем, я решил не вестись на такую провокацию и сказал – уже на полном серьёзе. Дескать, имейте совесть! Нам к ОГЭ надо готовиться, а не всякой чертовщиной заниматься. И такой:

– Ой! Я хотел сказать пушковщиной.

И все сразу:

– Ха-ха-ха!

Почувствовали, значит, кто здесь лидер.

А Леокадия тут же в позу стала. Мол, и что вы предлагаете?

А я взял и ляпнул, не подумав:

– Диктофон, например. Те же аудиодневники! Там хотя бы писать не надо.

Ну тупой я – да. Суть-то одна – и там и там морока. Но все почему-то обрадовались. И как затянули:

– О-о-о!

И Леокадия тоже:

– А что? Возможно, это и правда не самая плохая идея.

Не самая удачная похвала – вот что это такое. Но я даже этому обрадоваться не успел, как она уже добавила:

– А я всегда говорю: лень – это двигатель прогресса.

И все опять:

– Да-а-а?

Короче, я так и не понял, в каком питомнике они этих бабуинов понабирали.

И Леокадия тоже... Что сказать? Я дико разочарован. ||

► Хотя, может, я и не до конца справедлив. Всё-таки по сравнению с остальными учителями наша Альбертовна – в зачёте. И уроки у неё всегда интересные. Скорее всего, я только ради них в этой школе и остался. Ну, может, ещё из-за района. Школа рядом с домом – о чём ещё мечтать? Пришёл – ушёл, красота! Так бы я вообще ничего не успевал.

Я же теперь по вечерам в Ледовый мотаюсь. Вот где совсем не красота. Через весь город пилить приходится.

Раньше мы с папой на машине ездили. А теперь вот мать за руль взялась. Хорошо бы только за руль, а то и за меня заодно. Честно, я иногда ему прямо завидую – рулю этому, – что он такой бесчувственный. Его крутят, вертят, бросают, а ему – хоть бы хны. Вот бы и мне так!

Ага, чувак, мечтать не вредно. В общем, я в какой-то момент понял, что мы с ним не конкуренты, и стал на метро ездить. Поначалу напрягало, конечно. А потом ничего, влил-

ся в среднестатистические массы. С наушниками так вообще хорошо. Сел себе и читай в тишине, пока не приедешь. ||

► Вообще, конечно, Альбертовна сбрендила. При всём уважении, дневник – это слишком, даже для неё. Год записывать за собой всякую ерунду, чтобы потом – внимание! – отдать какому-то чучелу на прослушку!

Это вторая часть Леокадиного гениального замысла – разбиться на пары и через год обменяться записями, чтобы... как она там выразилась? Научиться признавать чужую точку зрения! В теории, конечно, забавно. Но на практике всё точно иначе.

Вот есть, скажем, я и Алинка-Малинка, Горецкая которая. Разве у неё может быть какая-то точка зрения, отличная от моей, если мы с ней со второго класса, да за одной партой – вместе?

Горецкая, конечно, та ещё фифа, но я бы её дневник с удовольствием почитал. Что она там обо мне понаписывала бы?

«Бы» – потому что Малинка теперь учится в девятом «А», который физико-математический, а я в «Б» – с лингвистическим уклоном. Вот такая теперь между нами пропасть. Не знаю, кто придумал эту раннюю специализацию, но то, что он людям жизнь сломал, – это факт. ||

► Хотя почему не знаю? Леокадия и придумала!

Она же нам перед самыми каникулами так и заявила, мол:
– Ну всё, восьмой «В», готовьтесь к новой жизни!

И мы все:

– Йе-е-е!!!

Реально обрадовались. Подумали, а вдруг и правда новая эра пришла? Дистанционка!

Ага, два раза! Профильное обучение, оказывается.

И мы сразу опять хором:

– Что-о-о?

Ну потому что! Во всём нормальном мире специализация только с десятого класса начинается. А мы, как обычно, впереди планеты всей!

А Леокадия на пару с директрисой весь этот парад возглавляет! Как она там перед родителями выразилась? Инновационная методика обучения? С целью повышения качества образования?

Это в девятом-то классе? Ну да, ну да...

В общем, по факту нас просто взяли и грубо расформировали. Нас и ещё одних. Людей, считай, без парашютов за борт выбросили. Летите, называется, куда хотите. И директриса такая на линейке:

– Ну, в добрый путь!

Обхохочешься, ага!

Нет, с ней уже давно всё понятно! Вампиры – они вообще... с идеями. Им за сотни лет жизни чего только в голову не взбредёт от скуки!

Но Леокадия-то пока ещё наша. Хотя не факт, конечно... Они же с директрисой часто общаются – вечно о чём-то шушукуются. Вон даже в столовку иногда вместе ходят. Делают вид, что едят. Ха-ха.

Ну, в любом случае Альбертовна не такая древняя, как директриса. Лет тридцать, наверное, есть.

Или триста? Грим тоже, знаете ли, на многое способен. ||

► А я ведь поначалу тоже хотел в математики рвануть. Из-за Малинки этой! Всё думал, как мы жить-то будем, если я в лингвисты уйду. Но и она, конечно, тоже молодёц. Нашлась тут Софья Ковалевская!

В общем, у меня из-за этих качелей всё лето насмарку пошло, а в итоге что? Всё равно добавился к «бэшкам». Десятый «Б». Потому что личная жизнь – это одно, но давайте будем откровенны: математик из меня – как из слона бабочка.

Хах! Я смеюсь, потому что Бабочка – это, считай, моё второе имя. Я же Бабочкин. Герман Андреевич Бабочкин, собственной персоной. Об этом, конечно, надо было в самом начале сказать, раз уж у нас с этим дневником всё по-взрослому. Но я ведь всё равно его брошу, так и не начав толком. Мать говорит, в этом вся моя сущность!

Много она знает! Во-первых, бросаю я только то, что мне неинтересно. А во-вторых, единственное, что мне в этой жизни интересно, – это хоккей. Ну и языки немного.

Но хоккей в любом случае первичен. Так и понятно – я же в этих коньках, считай, родился. И умру тоже в них!

Это у меня от папы, наверное. Правда, он как любитель больше. Так, по жизни скользил. И меня приобщил заодно.

Иногда как вспомню – самому не верится. Я же совсем мелким был. Катался кое-как, больше пыжился, всё мечтал старших догнать. А потом как разогнался – и понеслось. Чехия, Польша. Нормально, в общем, покатались. Недавно вон в Норвегии со старшими были. Чемпионов взяли! Пока что я за юниоров играю, но скоро уже и в сборную попаду. А там и до НХЛ рукой подать.

Если честно... Я вот о чём мечтаю – играть на самом высоком уровне! Тем более у меня все шансы в кармане. Боришч – наш тренер – так матери и сказал:

– Если хотите, чтобы у него было будущее, начинайте откладывать.

А она сказала:

– Конечно, хотим!

И собралась на будущий год квартиру разменивать. Ну а что, куда нам теперь двоим четырёхкомнатная?

Я, когда всё случилось, сразу предложил:

– Давай хоть собаку заведём. Чтобы не так пусто было.

А она мне как всегда:

– Вот будешь жить сам – заводи кого угодно, хоть слонопотама! А в моём доме чтобы никаких собак!

Нормально, да? Слонопотама! Энциклопедию ей, что ли,

дать почитать? Чтобы она хоть под кризис лет разобралась, где животный мир, а где – сказочный.

Достало всё это, честно. Скорей бы уже шестнадцать. Глядишь, и в ЦОР² пробьюсь. Вот тогда уже заживём! Ни матерей тебе, ни слонопотамов. Живи – не хочу.

Но пока это так – мечты-мечты. Это же хоккей! Тут ни в чём нельзя быть уверенным. Конкуренция зашкаливает. Кто-то на челноках обгоняет, кто-то чисто по технике лучше – за всеми не успеешь. Ну и плюс травмы – вот что страшно. Серьёзная травма – это сразу всё, конец карьере. И делай что хочешь.

Хочешь двор мети, хочешь на стройку иди, вкалывай. Это если образования нет. А если есть – там уже получше, но всё равно стать банкиром вместо главного бомбардира – что может быть печальнее? Вот так жить, мечтая о прошлом, – это же ужас. Я о таком даже думать боюсь, не то что писать. Поэтому и о планах своих особо не треплюсь. Так и отвечаю на все расспросы:

– Планы на жизнь? Смеётесь? Родился, помучился и умер – вот вам и весь план. А что, у кого-то иначе? ||

► Пойду поем, что ли... ||

► В холодильнике пусто. Пришлось «Сникерсом» утолять печали. Ну, всё лучше, чем прошлогодние котлеты. Нет, ну

---

² Центр олимпийского резерва. (Примеч. авт.)

правда. Я понимаю, что ей не до котлет сейчас. Но для чего она их хранит? Тараканов у нас, слава богу, нет, травить некого. Разве что Семёновну из тридцать пятой квартиры. Ох и вредная баба!

Но тут надо знать мою мать. Она скорее сама отравится, лишь бы только никого не обидеть. Соседи для неё – это святое!

Так! До меня только сейчас дошло, что я там про хоккей наболтал лишнего. А этот же потом узнает.

Этот – это тот, который вместо Малинки. Мой новый сосед по парте. Чучело чучелом! Вот мне вечно везёт на «экземпляры». И главное, я же сразу к Димону Чернышову хотел сесть. Тем более мы с ним по тренажёрке знакомы – бывает, вместе качаемся. Но Леокадия и сюда свой нос сунула. Сказала:

– Гера, ты с Гришей сядешь. Вы же у нас своего рода новенькие. Будете друг друга поддерживать!

Новенькие мы потому, что «бэшка», в отличие от наших с чучелом классов, свой сомнительный состав практически полностью сохранила. Ну, там пара человек добавилась и мы... с этим.

Честно, я даже имени его произнести не могу спокойно. Гри-и-ша... Фу, прямо противно. Если бы меня родители так назвали, я бы из кожи вылез, чтобы им отомстить. Сразу взял бы псевдоним. Скорее всего, что-нибудь японское. Томимо Токосо, а? По-моему, Григорию сам бог велел с этим именем

родиться! Ну а если обо мне говорить... Тут уж однозначно – Древний Рим. Его императорское величество Пофигус Нолемоций.

Если честно, я от своего имени тоже не в особом восторге. Но и смысла менять пока не вижу. Зачем, если я им пользуюсь раз в год? Ну, может, пару раз. Меня в основном по фамилии называют. Или просто Бабочкой. Это с хоккея пошло. Кто-то в команде придумал, а остальные подхватили. Я сначала бесился, конечно. Что за идиотское прозвище? А потом привык. И вроде как даже проникся!

Ну а что? Вон Али³ порхал как бабочка и жалил как пчела. А я, кстати, тоже как бабочка – в смысле, катаюсь легко. Об этом все тренера говорят. И в придачу ловкий, как паразит. ||

► Почему эти «Сникерсы» так недолговечны? Только прожевал, а уже опять есть хочется. И вот что теперь делать? Пойду, что ли, котлеты понюхаю. ||

► Ну нет. ЭТО точно есть нельзя. Даже с закрытыми глазами. Хоть ты обои ешь, честное слово. Вроде мирное время, а живём как в блокаде. Тьфу-тьфу-тьфу, конечно, не дай бог. У меня бабушка – блокадница. Порассказывала мне всякого. Я до сих пор вспоминать не могу – сразу голову теряю.

---

³ Мохаммед Али (1942–2016) – легендарный американский боксёр. «Порхать как бабочка и жалить как пчела» – эта тактическая схема, придуманная Али, взята на вооружение многими боксёрами во всём мире. (Здесь и далее – примеч. ред.)

Как она вообще выжила такая – маленькая, беспомощная, с распухшим от голода животом?

Ой всё, хватит! Размотал сопли. Бабушка у меня ещё хоть куда. Огонь, а не бабушка! Боевая! Надо будет забежать к ней вечером – покормить как следует. А то до сих пор – кожа да кости. ||

► Решил сварить пельмени и сразу вспомнил Малинку, как мы в прошлом году пиццу готовили у неё на кухне. Мы тогда первый раз по-настоящему целовались...

Ну как по-настоящему? Потыкались друг в друга клювиками, как два птенца. А я потом сразу домой побежал. Сбежал, если точнее. Малинка, само собой, обиделась. Понятно! Кому охота кухню в одиночку отмывать?

Хорошо всё-таки, что мы с ней теперь за разными партами сидим. Иначе пришлось бы этот дневник показывать. А так – всё! У меня дипломатическая неприкосновенность! Не хватало ещё, чтобы она узнала, как я из-за того поцелуя страдался. ||

► Вот чёрт! А зачем я, спрашивается, про чучело сказал? Он же потом узнает. Может, стереть этот кусок? Я там с функциями не до конца разобрался, но вроде есть такая. Гляну, когда допишу.

А с другой стороны, ещё чего! Во-первых, лень в этих записях копаться. Во-вторых, у меня ещё и планшет чуть что

подвисает. Сдаёт старичок! Мать мне его вообще сначала
брать запретила. Заявила:

– А со смартфона что, никак? Зачем тебе отцовский планшет?

А я сказал:

– Вряд ли он за ним вернётся.

Понятно, что я разозлился. Как будто сама не знает! А
мать пожала плечами и сказала:

– Делай что хочешь!

И сразу закрылась в ванной. Тут уж ясно зачем – порыв-
дать!

Вот тоже... Взрослый человек, а ведёт себя как малолет-
ка. И потом, сколько можно рыдать? Возьми уже себя в руки
наконец! Ты, между прочим, хирург. В неврологии работа-
ешь. Так мозги ковырять и лобные доли распиливать – тут
у неё выдержка как у солдата. А как про отца поговорить –
так сразу в слёзы. И потом, что реветь-то теперь, когда уже
всё кончено?

В общем, я твёрдо решил, что никакие записи удалять не
буду. Пусть слушает сколько влезет. Кто-то ведь должен ему
сказать, что он – чучело. А правда – она такая, да. Душemu-
чительная. Или мучедушительная? Да и мало ли что за этот
год изменится! Может, он вообще из нашего класса уйдёт.
Ага, скатертью дорога. Пусть вон к химико-биологам валит.
Они там все как на подбор – захимиченные. ■

► Здравствуй, дорогой дневник. Меня зовут Григорий Столяров. Или просто Гриша? Наверное, лучше так. Ведь от того, насколько удачно представишься, многое зависит. Например, будут ли у меня когда-нибудь друзья. Ну или хотя бы знакомые. ||

► Странно... Мне кажется или нет? По-моему, я шепелявлю... ||

► Шмель... Шпора... Шовинизм в шестнадцатом столетии...

Нет, нормально всё. Просто показалось. ||

► Откровенно говоря, я так давно ни с кем не знакомился, что уже и забыл, как это делается. А если быть честным по-настоящему, так вообще – никогда. Но это не потому, что я дикарь, нет. Я ведь не в джунглях живу, а в городе, среди большого количества людей. Хотя, конечно, от обитателей джунглей они мало чем отличаются. Разве что причёсками.

Может, я социопат, раз говорю такое? Но скорее всё же социофоб... А родители думают, что размазня.

Мама точно думает. А папа чуть ли не прямо говорит, что я неудачник. Ну понятно, он же военный. У него и филосо-

фия своя, и жизненная позиция.

А у меня жизненной позиции вообще нет. Точнее, есть, но она – никакая. Сиди и не отвечивай – вот какая. ||

► У меня даже голос... вроде и есть, но какой-то невнятный.

Хотя вот бабушка говорит, что я будущий Левитан.

Но, между нами говоря... с учётом того, что я науглил... В общем, не самое лестное сходство. Эти его волосы! ||

► Но в целом быть диктором не так уж и плохо. Я, конечно, о другом мечтал – блистать на широком экране. А с другой стороны, диктор – это тот же актёр, просто за кадром. ||

► А хуже всего то, что и там и там характер нужен. А какой у меня характер? Как у новорождённого цыплёнка пух – мя-а-агонький.

Да, я – слабак. А жизнь, как назло, такая штука, с которой надо бороться! В прошлом году я ходил к психологу, и он мне очень помог. Не бороться, нет, но хотя бы свикнуться с тем, что вокруг происходит. Иначе я бы точно остался на второй год, только чтобы не переходить в следующий класс.

Новый год и новый класс. Звучит как приговор, правда?

В старом тоже было не так чтобы очень весело, но я по крайней мере знал, чего ожидать. А тут... ||

► Сегодня утром я проснулся с ужасной болью в животе. И так обрадовался – просто ужас как. Решил, что аппендицит лопнул. Но мама пощупала мне бок и сказала:

– Вставай и не придуривайся! В школу опоздаешь.

Я вот иногда думаю, что было бы, если бы я умер?

«Вставай и не придуривайся!» – вот что было бы. Она бы меня и в гробу достала, кажется.

В общем, пришлось идти в школу.

Я специально шёл медленно, чтобы опоздать на линейку, но пришёл как обычно – раньше всех. Это как раз неудивительно – педантизм вбит в меня намертво, как негнувшийся гвоздь. Или просто пряжка у отцовского ремня такая крепкая?

Я об этом всю линейку думал. А потом она закончилась, и мы пошли в класс. Он у нас теперь на третьем этаже, слева. Я ещё так обрадовался. Там же окна в школьный сад! Хоть какая-то глазам радость...

Наивный, да. Можно было сразу догадаться, какая парта мне достанется. В правом углу и без окна. Зато с географической картой на всю стену.

География – это ещё один ужас моей жизни. Самый нелюбимый предмет после труда. С этим всё понятно – у меня же не руки, а крюки. Я даже топор нормально взять не могу, если только с угрозой для общества. А география... Она, может, и интересная наука, но я чисто физически не могу её постичь.

У меня топографический кретинизм. В трёх соснах путаюсь. Папа говорит, что на войне таких сразу отстреливают. Как бешеных коров!

Вот уж кому не повезло в жизни, да? Я их, правда, ни разу не встречал, но примерно представляю, как это. У бешеных солдат нервная система угнетена зловредным вирусом. Значит, они быстро теряют координацию... Мечутся в разные стороны... Пока... пока их не подстрелят.

Очень на меня похоже, да. Ну просто очень!

Об этом я и думал всю перемену, рассматривая Марианскую впадину. А потом в класс зашёл Гера. Гера Бабочкин. Я его сразу узнал. И так обрадовался, что только чудом удержался, чтобы к нему не броситься. Мы же в детском саду друзьями были! ||

► Ну, не то чтобы друзьями... Но хоть какое-то знакомое лицо. ||

► Знакомое лицо? Это же Гера Бабочкин! Он мой кумир с тех памятных времён детского сада, когда мы с ним были преступниками, а остальные дети – присяжными. А Светлана Юрьевна, само собой, прокурором.

Помню, как она торжественно сказала:

– Познакомьтесь, дети! В нашей группе две новые свиньи – Гера и Гриша.

Я тогда весь сжался от ужаса. Подумал, что все засмеют-

ся. Но нет, куда там! Они, видно, понимали: скамья подсушимых, то есть отдельный столик, он как невидимая угроза – для каждого. Кто-то ел плохо, как я, а кто-то наоборот – слишком хорошо. И неаккуратно! И вот для таких, как мы, Светлана Юрьевна придумала особое наказание – есть из пластикового корытца. Как сейчас вижу... такое... маленькое, поросячье...

Я тот год в саду, может, потому и запомнил, что всё время об этом корыте думал – и днём и ночью. И ждал своей очереди.

А самое обидное... За что? Я же вроде и ел старательно, ну, может, что-то складывал в карман, не помню. А потом раз – и всё: я уже сижу за проклятым столиком рядом с Геркой.

Это, конечно, хорошо, что нас вместе загребли. Не так страшно. Но я всё равно, кажется, заплакал. А Светлана Юрьевна поставила перед нами две миски с котлетами и кашей и скомандовала:

– Налетай!

Меня тошнило, но я всё равно стал жевать, давясь и всхлипывая. А Гера наоборот – задумчиво размазывал кашу ложкой.

А эта садистка меня ещё и нахваливала. Мол, умничка, Гришенька! Молодёц! Можешь ещё похрюкать, если хочется.

А потом вдруг погладила по голове. Так, кхр-кхр... ног-

тями.

А Гере она просто сказала:

– А ты будешь сидеть, пока не съешь всё до последней крошки. Понял?

И вот тут случилось что-то – невозможно потрясающее! Гера, этот самый Гера, который Бабочкин, сказал:

– Понял!

А потом осторожно приподнял тарелку за края и одним стремительным движением метнул в Светлану Юрьевну рисовый снаряд.

Каша врезалась ей прямо в лицо. Ух... Я чуть под стол не свалился от ужаса. А этот сумасшедший засмеялся. Крутой, да? Я его смех на всю жизнь запомнил. И то, как эта ведьма визжала.

А Бабочкин схватил меня за руку и вытащил в коридор. Мы даже переобуться не успели: побежали как есть – куда глаза глядят. По-моему, в соседний парк, на карусели. Там нас потом и нашли. Кричали, конечно. А папа дома так отходил меня ремнём, что я потом два дня садиться не мог. И мама, глядя на мои синяки, тихонько плакала. Мол, ты сам во всём виноват, и как вообще можно было натворить такое?!

И правда! С чего я вообще решил, что кто-то станет меня слушать? Мама от моих слов только разозлилась в конце. Сказала:

– Что за чушь?! Как тебе не стыдно выдумывать? Я знаю Светлану Юрьевну – прекрасная женщина. И педагог!

Ну да... тот ещё! Она потом вообще с катушек слетела: избила Игорёшу – самого маленького в нашей группе, и его забрали в больницу. А Светлану Юрьевну в психушку. Или в тюрьму? Надеюсь, что она и сейчас там. Или ещё где похуже.
||

► А вообще, эта история меня всю жизнь не отпускает. Я думаю, что с неё всё и началось. Ну, эта моя социофобия. Я же котлеты до сих пор есть не могу. Как увижу – сразу Светлану Юрьевну вспоминаю и как она меня ногтями через волосы царапала. У меня и сейчас в том месте кожа зудит. Кому сказать – не поверят!

Мама до сих пор не верит. Я вот недавно об этом вспомнил, а она:

– Ну мы ведь не знали. С виду – приятная женщина. И потом, педагог же...

И такие глаза сделала – круглые... Я на неё иногда просто смотреть не могу. Почти как на котлеты!

А ведь это моя мама... ||

► Что-то меня опять унесло. Как будто я какой-то древний старец – сижу, вздыхаю. Но мне-то всего четырнадцать! Скорее бы уже пятнадцать, что ли...

Но вряд ли там что-то сильно изменится. ||

► Вообще, психолог говорит, что будущим жить нельзя.

Только сегодняшним! Может, он и прав. Тем более день сегодня неплохой. Я вот Геру встретил...

Хотя нет... Ерунда, конечно. Я даже подойти к нему не смог. Сидел, таращился, как ненормальный. Рукой зачем-то махнул – ну, так, под партой. Думал, он меня тоже сразу узнает. Но Бабочкин даже не посмотрел в мою сторону – потопал к очкарику с серёжкой в ухе.

Папа таких на дух не выносит. Говорит, что нынешнее поколение пацанов – сплошь отморозки, а те, кто носит серьги, вообще уроды форменные.

А я уже и не знаю, кому верить. Раз Гера с этим очкариком дружит, значит, тот, наверное, не урод. У него даже и формы нет. Так, джинсы, толстовка. Как у всех. Один я, дурак, в костюме.

Вот где настоящий урод. Считай, и правда форменный! ||

► Ладно, не буду память забивать. Тем более мне этот дневник весь год вести. Найдётся повод для печали... ||

► Я вот до сих пор сомневаюсь, как лучше? Через смартфон заходить? Тогда придётся пароль ставить – на случай, если потеряю.

А если пароль вдруг забуду, что тогда? Со мной такое сплошь и рядом случается...

Наверное, придётся всё же на планшет писать. Во-первых, я в этом доме никому не интересен. Во-вторых, у Кристинки

свой есть.

И тоже якобы для чтения! ||

► Звонила мама. Спросила, накормил ли я Кристинку супом.

Кристинку, не себя.

Интересно, она хотя бы догадывается о моём существовании? ||

► Пока разогревал суп, вспомнил, что ни слова не сказал про уроки. Это странно, потому что об уроках я никогда не забываю. Даже во сне.

Так вот, первым у нас сегодня был русский. А русский – это моё всё, особенно литература. Ну, может, ещё немецкий.

Мама говорит, что у меня патологическая склонность ко лжи, поэтому мне и языки хорошо даются. Но где? Где я лгу? Может, когда-то в детстве и фантазировал. Но когда это было... Теперь-то я кристально честный человек. Притом ври, не ври – нужности мне это не добавит. И важности тоже. Важность – такая штука, её надо завоевать.

А что я могу, если из боевого арсенала у меня только язык, и тот никогда не слушается. Когда мы с ним наедине – тут, конечно, да, я в полном смысле прирождённый оратор. Ну или сочинение какое написать – раз плюнуть. Но если вдруг приходится на публике выступать, тут уж я себя веду как умственно отсталый.

Вот сегодня тоже отличился. Леокадия Альбертовна – буду называть ее Л. А. – меня самого первого вызвала. Не знаю, может, из-за костюма.

И даже точно из-за него! Учителя – они же как зловредные вирусы: всегда выбирают самый слабый организм.

Поэтому я оказался у доски. И так там выступил, что лучше и не вспоминать. У меня вся рубашка на спине вымокла, и даже по вискам, кажется, побежало – от напряжения.

Л. А. сначала не поняла, почему все смеются. Она как раз журнал заполняла, пока я о себе рассказывал.

Вот примерно так:

– Зд-д-драсти... стуй... те. П-п-при-и-в-и-е-т! Меня звут Г-г-гриш. То есть Гриша. Я в... вашем классе... новенькая... Ой! Новенький. Ну, вроде как рубль. Хи-хи. Ученик такой. Вот.

Оказывается, для новеньких это обязательный ритуал. Вроде крещения огнём у рыцарей!

Ох... Не знаю, как там у рыцарей, но что-то мне подсказывает – даже на Голгофе обстановка и то была поприятнее. ||

► В общем, опозорился я по самые уши. А Л. А. даже закашлялась, бедная! Кое-как проговорила:

– Хорошо, Гриша. Класс у нас дружный. Я уверена, вы с ребятами быстро найдёте общий язык.

Мг! И тут же обвела всех строгим взглядом, так, предупреждающе. А им это предупреждение – как сигнал к дей-

ствию, я же знаю. Вот как хаски мои любимые! Этим если нельзя, значит – точно надо!

В общем, все хихикали, а я стоял и во все глаза смотрел на Геру. Л. А. же его в итоге ко мне за парту посадила! Так вот он один из всего класса не смеялся! Сидел спокойно, что-то в тетрадке рисовал.

Поразительно, да? Но я как-то сразу воспрял. Что значит поддержка друга! А тут ещё Л. А. наконец смилостивилась и сказала:

– Можешь садиться, Гриша.

Хорошо всё-таки, что она у нас – классная. Добрая... Взяла меня так за плечи... ну, вроде как обняла. В проход подтолкнула! Мол, иди, не тормози, сникерсни.

А я бы и сникерснул... но у меня на шоколад аллергия.

И на орехи, кстати, тоже.

И ещё на собак.

Но Л. А. об этом, конечно, не знала. А я так проникся её добротой, что даже растерялся. Сказал:

– Хо-ро-шо, Млеокадия Мольбертовна. С-с-спасибо.

И пошёл по проходу... Сел за парту... Ужас просто!

А Леокадия сразу новую жертву к доске вызвала. Захар, кажется. Боксёр! Так вот, пока он хвастался поездкой в Австралию, я упорно молчал. Мне как-то неловко было с Герой заговаривать. Стыдно даже. Он же вроде как в меня поверил, поддержал, а я как всегда... отличился!

И что тут скажешь? Лох – это такое же малоизученное за-

болевание, как Моргеллонова болезнь. И вдобавок неизлечимое. Я знаю, потому что у меня мама – учёный. И когда-то, в свои неполные двадцать пять лет, уже возглавляла крупную фармацевтическую лабораторию. ||

► Но Моргеллонова болезнь, кстати, тоже плохо лечится. Я в «Википедии» читал. ||

► Интересно то, что, пока я размышлял над своими не самыми выигрышными качествами, Бабочкин вдруг сам со мной заговорил. Повернулся и такой:

– Млеоказия Мольбертовна? Серьёзно?

Под ним даже стул закрипел!

Вот тоже... Это же неправда! Я не так сказал. Согласен, я – неудачник, но не так чтобы уж прямо «Млеоказия».

Но что ему докажешь, если он сразу отвернулся? И буркнул что-то. Вроде бы «чучело».

Но нет, конечно, нет. Не мог Гера обо мне такого сказать. Мы же почти друзья! Совсем чуть-чуть осталось.

А потом кто-то с задних парт пульнул в меня ластиком. И крикнул:

– Эй, додик! Сопли подотри, а то смотреть противно.

Ученики в этом плане куда хуже учителей. Они, как и те, чувствуют слабый организм, но атакуют намного активнее. Если иммунитет вялый или, как у меня, начисто отсутствует, то всё – пиши пропало. Зловредные вирусы набрасываются

и начинают грызть.

Но и не только вирусы, кстати. Родители меня вон тоже всю жизнь поедом едят. Казалось бы, фигура речи. Но по ощущениям – разница незначительная!

А ещё я однажды вычитал, что кошки иногда съедают своих котят – тех, которые самые хилые в помёте. И так испугался – ужас просто! Даже по ночам спать перестал, ждал, что мама придёт и съест меня, чтобы я им с папой род не портил. Был бы я один, может, так и не волновался бы. Но у них же ещё Кристинка есть! И какая! Понятно же, что у меня против неё ноль шансов!

Но мама меня так и не съела. Я иногда думаю, может, зря? Всё равно, какой от меня толк? ||

► Ладно, подумаю об этом позже. Хоть Скарлетт О’Хара⁴ и была глупой, как южная курица, но вот этот её принцип мне очень нравится. Всегда меня выручает! ||

► Я себе и на перемене так сказал. Мол, забудь о неудачах! Стань мужиком!

Вообще, это даже не я сказал, а папа. Он иногда во мне просыпается. Но в этот раз я был почти что рад. Решил на эмоциях подойти к Гере и всё обсудить по-мужски. Ну серьёзно, как он мог меня не узнать?! ||

---

⁴ Главная героиня романа «Унесённые ветром» (1936) Маргарет Митчелл.

► Сказать, чем дело кончилось? А ничем!

Там его так облепили всего! Как мухи кое-что... Пусть будет варенье.

Но если честно, я даже не ожидал, что он так быстро в коллектив вольётся. И нашёл же способ!

А я как всегда... И ведь думал же! Вот когда Л. А. только-только про дневники заговорила, у меня будто щёлкнуло в голове: «Аудиодневники!»

И почему я не сказал? Был бы сейчас вместо Геры звездой.

Хотя почему вместо? Вместе! Правда, он ещё хоккейная знаменитость!

Я потом на алгебре спросил, можно ли взять у него автограф. Пошутил, называется. А он посмотрел на меня как на жабу и опять что-то буркнул. По-моему, всё-таки «чучело». И вот тогда я наконец понял, какой болван. Надо было слушать родителей и сразу в химико-биологический идти, как нам завуч советовала. Там подопытных вроде меня много. ||

► Нужно срочно выяснить, можно ли ещё перевестись, пока не поздно. Родители, конечно, меня со свету сживут. Ну и пусть! Всё лучше, чем здесь оставаться. Тем более теперь, когда я знаю, что никакой дружбы с Герой Бабочкиным у нас не получится. Потому что Гера Бабочкин такой же, как и все. И совершенно точно меня презирает! ■

Глава 2. Проза или поэзия?

Поэзия или проза?

Б

► Класс у нас, конечно, как на подбор! Антропологические разновидности гоблинов в самом широком ассортименте. Особенно меня бесит парочка Воробьева – Орехова. Вот уж где редкостной красоты дурынды подобрались. Прямо смотреть противно.

Но приходится! Они же в левом ряду сидят, прямо через проход. И вот тут у меня настоящая дилемма. Налево посмотришь – они сразу кривляться начинают. Направо тоже никак. Там же этот сидит, который Угрюмович.

Вообще, конечно, тот ещё тип. Странный. То ходил как щенок – в глаза заглядывал. Краснел, хихикал не по делу. В общем, хоть как-то себя проявлял. А тут раз – и притих. Прямо как тень сделался! Его уже даже наши из класса не трогают. Боятся, что ли?

Нет, ну а мало ли что у этого товарища на уме? Знаем мы истории, слышали!

И учителя туда же. Гришенька то, Гришенька сё. Как с дебиллом с ним возятся. Ну понятно, они же сразу видят, ху

из ху. Ну не все, конечно, но Леокадия точно видит. Она же как рентген!

Я уже начинаю подозревать, что у нашей Альбертовны с этим Гришенькой – связь. Бр-р, не в том смысле, конечно! Я к тому веду, что они, скорее всего, родственники. А иначе с чего бы ей с ним так возиться? Вот со мной она себе такого никогда не позволяла. И это при том, что я у неё с пятого класса перманентный любимчик.

Если честно, меня это даже злит. Он же натуральное чучело. Смотреть больно! А не смотреть не получается. Потому что слева – эти две, а впереди доска, что тоже так себе развлечение. Вообще глазам упасть некуда! Приходится закрывать.

А Леокадия, главное, взяла моду меня подкалывать.

– Бабочкин, – говорит, – у тебя, наверное, очень насыщенная ночная жизнь, раз ты на уроках досыпаешь.

А я ей:

– Ну что вы, Леокадия Альбертовна. Я вас внимательно слушаю.

А сам реально сплю.

А она опять за своё:

– Герман, у тебя что, девушка появилась? Ну-у-у поня-а-атно! Так ты теперь, небось, по ночам любовные письма сочиняешь, вместо того чтобы спать?

Вообще, да? Как будто она про Малинку не знает! Вся школа знает, а Леокадия типа с другой планеты. Хотя поче-

му типа? ||

► Но про любовные письма она в любом случае загнула. Я, конечно, всё понимаю. Леокадия и смартфоны – вещи несовместимые. Мне кажется, она на полном серьёзе отрицает их существование.

Ха! Ещё бы! Леокадия в этой жизни верит только в феминизм и Пушкина. Ну, может, ещё в наших столовских поваров. Утверждает, что котлеты, которые мы едим в обед, – из мяса. Из мяса! Вот кто точно из мяса, так это наши повара. И хватает же совести у детей воровать. Хотя чего я возмущаюсь? Мне эти котлеты по барабану. Я их вообще не ем. И Григорий, кстати, тоже.

Ну хоть что-то в нём человеческое! ||

► А вообще, с Леокадией не соскучишься. Особенно на литературе. Я внеклассное, которое она перед каникулами задавала, ещё в начале лета прочитал. Проглотил даже! «Трёх товарищей»⁵, «Пересмешника»⁶. Да того же Сэлинджера!⁷ А Голдинг...⁸ м-м-м. Этот вообще – улёт! Послевку-

---

⁵ Роман (1936) Эриха Марии Ремарка.

⁶ Имеется в виду роман «Убить пересмешника» (1960) Харпер Ли.

⁷ Джером Дэвид Сэлинджер (1919–2010) – американский писатель. Его роман воспитания «Над пропастью во ржи» (1951) стал культовым.

⁸ Уильям Джеральд Голдинг (1911–1993) – английский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1983 года. Наиболее известен его роман «Повелитель мух» (1954).

сие осталось как от Паланика⁹.

Хотя нет, какое там! От Паланика не послевкусие, а устойчивый аромат остаётся. Примерно такой, как если бы тебя взяли и головой в унитаз окунули. Голдинг всё-таки в большей степени христианин. ||

► Вот зачем я вообще про Паланика вспомнил? Особенно «Колыбельную». Это вообще ужас – забыть не могу.

Хорошо, у меня своих детей нет! А после такого ещё долго не будет. Оно мне надо? ||

► А Леокадия, кстати, фанатка Гарри Поттера. Я прямо обалдел, когда узнал. Сразу Бенджамина Баттона¹⁰ вспомнил. Вообще, да? Чувак сначала резко постарел, в самом детстве, а потом обратно помолодел. И умер! Так вот, я подумал, а вдруг у Альбертовны та же фигня, раз она в столь юные годы уже так плохо выглядит.

Нет, ну а что за детский сад? ||

► Вообще, я, конечно, шучу. Вкус у нашей Альбертовны прямо как у меня! Выше всяких похвал, называется. И уроки – такие же. Вот так, чтобы вообще неинтересно, – этого у

---

⁹ Чарльз Майкл Паланик (род. 1962) – американский писатель, один из самых популярных новеллистов Поколения Х.

¹⁰ Главный герой рассказа «Загадочная история Бенджамина Баттона» (1922) Фрэнсиса Скотта Фицджеральда.

неё никогда не бывает. Даже если только по программе идём. Недавно вон Гоголя обсуждали. Два часа невесомости. Считай, бесплатно в космос слетали!

Я Гоголя вообще уважаю. Те же «Мёртвые души» – говорить не переговорить. Ну в плане размышлений...

Чичиков – красавчик. Нет, я его, конечно, не защищаю, но, если вдуматься, каков, а? Мне бы его напористость, я бы уж точно бомбардиром был.

В общем, надо перечитать, и как можно скорее! И «Близ Диканьки» тоже.

Да хотя бы пересмотреть! Гоголь рулит по всем направлениям. На прошлой неделе с Малинкой на «Вия» ходили. Так эта дурёха весь фильм лицо закрывала. И уши тоже! Главное, наловчилась и глаза, и уши – одновременно. Я прямо обалдел, когда увидел. Подумал, ничего себе, какие у неё пальцы длинные. Я как-то раньше и не замечал. Красивые. ||

► Неужели Леокадия и правда не знает, что мы с Малинкой встречаемся? Даже моя мать уже знает. Недавно заявила: – Алиночка, конечно, очень хорошая девочка. Но и ты не будь дурачком. Хорошие девочки сейчас знаешь какие? Не успеешь глазом моргнуть, а уже всё – папа.

Ой, кто бы говорил! Сама меня через три месяца после свадьбы родила. Может, я и хоккеист, но не тупой же. Сопоставил факты. Ну и паспорт заодно проверил. Будет она мне ещё рассказывать!

К тому же я что, совсем дурак? Уже вроде и не мальчик, своя голова на плечах имеется.

И вообще, я о таком пока и не думаю. Куда? У меня же хоккей, сборы на носу. А серьёзные отношения этому только мешают.

Нет, есть, конечно, ребята, которые могут совмещать. Вон Юрцевич наш со своей Машкой целый год с копейками встречается. Но, с другой стороны, он в защите – с него и спрос меньше. А мне концентрация нужна. Я же нападающий! А из-за Малинки, когда она на игру приходит, сразу отвлекаюсь.

Борисыч уже тоже подметил. На последнем разборе заявил, что я как павлин расфуфыренный, хвост задрал и из-за собственного самолюбования шайбу профукал.

Ой, кто из нас ещё павлин. Весь мозг мне своим клювом выклевал! Но, может, он и прав, конечно. Первым делом, как говорится, самолёты. ||

► Нет, мне правда приятно, что она приходит. Такая поддержка! Ну и Малинка сама – есть на что посмотреть. Я её иногда даже на тусовки наши хоккейные беру. Пусть все завидуют, какая у меня девушка.

Но чтобы вот так прямо серьёзно? Нет, это точно не мой вариант. Я тогда сразу весь потенциал растеряю, как Борисыч любит говорить. ||

► Малинка как чувствует, когда я о ней думаю. Вот опять звонила. Спрашивала, не могу ли я ей с сочинением помочь. Типа я такой дурачок – ага – и не понимаю. Ей просто увидеться захотелось!

А я что? Согласился. Почему не помочь красивой девочке?

Правда, соврал, что пока занят. Пусть не думает, что я готов к ней по первому зову мчаться.

А она, видно, по той же технологии работает, потому что тут же вспомнила про свой бассейн. Ну-ну. Предложила вечером зайти. А вечером я опять не могу, у меня же трéня. Шах и мат.

Но Малинка молодёц в этом плане, понятливая. Знает, что тренировки для меня святое.

Сама-то, небось, обиделась, но внешне никак себя не проявила. Защебетала:

– Ну окей. Я Лерку попрошу. У неё с русишем тоже норма. «С русишем»! А-а-а, бесит!

А она опять:

– Гоу ночью в чатик, пожужукаем.

Честно, я её иногда убить готов. Вот вроде умная девочка, а ведёт себя как подросток недоразвитый. Это всё Лерка виновата. Её стиль! Пожужукаем, чатик. Вот же бестолочь! И Малинку мою портит.

Нет, я, конечно, тоже не святой. Могу загнуть при необходимости. Но если даже и... то всё равно в высшей степе-

ни художественно! А вообще, я считаю, человек не должен уродовать свою речь всякими тупыми словечками. Особенно если ты девочка. Особенно если ты – моя девочка! И Малинка это знает.

Это она специально – из-за того, что я её с этим сочинением пробросил. Вот коза! ||

► Всё, катастрофа. Борисыч заболел. Трени не будет!

Ну Малинка! Вот сто процентов сглазила. Борисыч же у нас кремень – никогда не болеет. А тут сразу бронхит.

Может, Горецкая вообще ведьма? Потомственная! Ну а что? Там такая мама – ух. Глядя на неё, во что угодно поверишь! А я ещё, главное, такой простачок – думал, она из простой рабочей семьи.

Да уж. Пойду, что ли, кроссы проветрю. Хоть какая-то нагрузка. ||

► М-да... Давно я так не удивлялся. Пришёл на стадион, а там этот. Бегает! Я сначала даже не узнал его. Он же вечно ходит такой – весь прилизанный. В костюмчике, с галстучком. А тут нате вам – шорты.

Шорты – это хорошо. Плохо, когда они выглажены так, будто ты готовишься отмечать День пионерии.

Интересно, где он прячет свой значок...

А вообще... По-моему, это ненормально. Да что по-моему? На него любой посмотрит и сразу скажет: «Ну я-а-асно!»

Там же сразу видно, что товарищ не простой, а на всю голову отутюженный.

В общем, я так удивился, что даже сказал ему «привет». А он просто кивнул и дальше побежал.

Серьёзно, да? Я вообще-то поздоровался! ||

► На самом деле я разозлился до чёртиков! Врубил музыку на всю катушку и тоже побежал. Думал, сейчас догоню и в плечи дам за такое!

Ага, догнал, как же. Он как попёр! Усейн Болт – да, да, тот самый суперспринтер – нервно курит в сторонке.

Я вот вообще не курю, но у меня и то дыхание сбилось. До сих пор сердце колотится. ||

► Давно меня так не накрывало. Не понимаю, как это возможно! Я же в команде быстрее всех бегаю. Нормативы перевыполняю! А тут какой-то задохлик меня обогнал.

В общем, недооценили мы коммунистов. Ох как недооценили... ||

► Ладно, будем смотреть правде в глаза. Если не брать в расчёт весь этот маскарад с галстуком, получается, что от задохлика там только причёска. Но в нём даже это бесит! Чувак, ты не против? Лихие девяностые уже позади, и командос давно вымер как явление. Зачем лишний раз напоминать людям об армии? Тем более она и так уже многим снится.

Нет, ну понятно... Не всем природа даёт то, что им хочется. Мне вон тоже подогнала – волосы выющиеся. С ними даже бетоноукладчик и тот не справился бы. Но чтобы вот так – резать под корень? Это всё равно что сдать без боя!

А я далеко не слабак. Намучился – да, есть такое. У матери два фена сгорело, пока я думал, что и как. И ведь придумал! Можно сказать, изобрёл нечто инновационное! Даже революционное, если брать эту индустрию в целом.

Не буду раскрывать все свои секреты, но... Если надеть хоккейный шлем сразу на мокрые волосы, можно добиться очень неплохих результатов. А если ещё гелем намазать! ||

► А вообще, конечно, ай да Григорий. Вы умеете удивлять, мистер Бонд! Ну правда, здоровый чувак! А как он меня лихо сделал! Я же вначале, пока бежал, всё думал: «Вот сейчас, ещё один кружок, и он точно сдуется! Сколько можно бегать-то?» Но он бегал и бегал, а я в итоге плюнул и сел на лавку, типа шнурки завязать. Ага, очень смешно. У меня же кроссы на липучках.

А этому – хоть бы хны. Он ещё десять кругов пробежал и только потом остановился. Всё, занавес! ||

► Но какое там всё! Оказывается, остановился он только затем, чтобы отжаться. Семьдесят пять раз! Семьдесят... пять... раз.

У меня шок! Почему? Да потому! Он же даже не вспотел,

кажется.

Я там сидел на скамейке как потный лист. Ну или банный? Да какая разница! Главное, что майку на мне можно было выкручивать. А этот даже не покраснел ни капли. Как был зелёным, так и остался.

Чёрт, может, он – Халк? ||

► Эти сверхлюди – они же все такие! С виду скромненькие, а потом как разойдутся! Именем Армагеддона! И всё такое прочее. Короче, не знаю. Может, не стоило мне его вот так откровенно чучелом называть? ||

► А вообще – плевать! Я же с ним по-человечески поговорить хотел, по-мужски! Спросил:

– Ты что, в армию собрался?

Ну серьёзно, я просто похвалить хотел, какой он выносливый. А этот сразу в отрицание ушёл. Напрягся, будто он в духовом оркестре на флюгельгорне наяривает. И такой:

– Зачем? Я же вроде на медаль иду.

И пошёл, главное. Ни здрасьте, ни до свидания.

Вот я и говорю: чучело! ■

3

► Недавно Л. А. рассказала нам на уроке про утиный тест. Принцип в нём такой: если что-то выглядит как утка, плава-

ет как утка и крикает как утка, значит, оно и есть – утка. И сразу спросила, что это, по нашему мнению, означает. Дима Ерофеев предположительно закричал, а Гера уверенно сказал:

– Это молитва, которую Капитан Очевидность ежедневно читает за ужином.

Все засмеялись, а я – нет. Потому что сразу представил, как они говорят обо мне то же самое, только с отрицательным значением: «Если Столяров выглядит как человек, ходит как человек и говорит как человек, это ещё не доказывает, что он человек и есть. Скорее всего – просто чучело». Они меня теперь всё время так называют.

Не знаю только – зачем? Разве мы с Леной Бессольцевой так уж сильно похожи? К тому же я живой человек, а она – просто художественный вымысел. Но, с другой стороны, Л. А. говорит, что у персонажей такого плана, как Лена, всегда есть реальный прототип. То есть живой человек, как я.

Означает ли это, что я мог бы стать Ленкиным прототипом, если бы Владимир Железников написал свою повесть на пару десятков лет позже?

Наверное, да. Хоть это и не самая приятная новость. ||

► А что, если Железников просто умел заглядывать в будущее? Означает ли это, что мой личный позор давным-давно стал общественным достоянием?

В таком случае, спрашивается, где мой авторский гоно-

пар? ||

► Нет, ерунда, конечно. Скорее всего, чучело – это просто такая универсальная величина, которая вне времени. Я по этому поводу даже переврал Маяковского:

Мы – новая кровь школьных жил, тело нив,
ткацкой идеи нить.

Чучело – жил, чучело – жив,
чучело будет жить!

Обожаю Маяковского. Серьёзно, такое ощущение, что он всё это для меня писал:

Попами столетия гудят с колоколен:

«Растите, дети,
Резвитесь на воле».

Пусть ходят плети по спинам голи...

Пусть мрак безрассветен,

Пусть выкрики боли —

Растите, дети,
Резвитесь на воле.

Видно, у него с рассветами тоже было туговато, раз он такое сочинял. Но с какой надеждой! Вот честно, иногда я просто не знаю, что без всего этого делал бы. Наверное, читал бы Мандельштама:

Почему ты всё дуешь в трубу,
молодой человек?

Полежал бы ты лучше в гробу,
молодой человек. ||

► Вот! Опять я за своё. Пытаюсь шутить, когда грустно. И притворяюсь грустным, когда весело. Психолог говорит... говорил – мы ведь больше не встречаемся, – что такое поведение чуть ли не норма для моего возраста. Вроде как я нахожусь в поисках себя.

Сомневаюсь. Гере ведь тоже четырнадцать, но я почему-то уверен – он никого не ищет. А зачем, если Гера со своим Бабочкиным и так – душа в душу, в печали и в радости. И вообще, у Геры Бабочкина и печали, и радости разложены, как у моей мамы специи, – по отдельным баночкам. Здесь соль, там перец, а в той, что с зелёной крышкой, – самой большой – сахар.

А вот в моей жизни и соль, и перец – всё вперемешку. А сахар если и есть, то давным-давно просроченный. ||

► Даже интересно стало... А сахар вообще портится? ||

► На самом деле Мандельштама я не люблю. Я в его стихах сразу вязну. Ну вот так, читаю, а меня как будто ватным одеялом с головой накрывает. И сразу дышать тяжело.

Из омута злого и вязкого
Я вырос, тростинкой шурша...
Та та-та-та та-та-та та-та-та...
Запретною жизнью дыша...

А в конце ещё вот это:

Я каждому тайно завидую
И в каждого тайно влюблён.

Всё, сразу горло сдавило. Пойду попить воды. ||

► Пока пил чай, вот о чём подумал. Может, неспроста меня этим одеялом накрывает? Сейчас, чего доброго, окажется, что я его сам выдумал, чтобы не видеть за ним очевидного. Особенно вот этого: «И в каждого тайно влюблён».

Ужас! Это же один в один – я, только у меня всё в сто раз хуже!

Дело в том, что в начале года я случайно влюбился. В Нику Воробьёву! Точнее, я просто думал, что влюбился. Целых две недели думал, пока нас на немецком не разбили по парам – читать диалоги. Тогда-то я и увидел её зубы. Там у неё, оказывается, нижняя челюсть напозаёт на верхнюю. Ну вроде как разбалансирована. А я так не могу... Ну, смотреть на такое! И не смогу до тех пор, пока буду верить в закон равновесия Вселенной!

В общем, я побродил-побродил, пострадал-пострадал и

неожиданно переключился на Орехову.

Милена... Красивое имя, правда? Да она сама красивая, только смеётся странно. Как гиена! Милена-гиена, ха-ха. Но я в неё на полном серьёзе влюбился – не так, как в Воробьёву. Всё ходил, воображал, как мы встречаемся. И как все смотрят на меня с завистью! Ну понятно, это же Орехова – первая красотка в классе. А тут я – последний олух в мире. Заучка. Тетерев. И вдруг – раз – и ни с того ни с сего получаю неуд за диктант. И все в шоке:

– Ну-у-у дела!

А Л. А. берёт и на весь класс заявляет:

– Гриша, у тебя, наверное, очень насыщенная личная жизнь, раз ты в двоечники скатился.

И все наши опять:

– Ну ничего себе!

А я снова – бах – и оп: у меня сразу первое место на олимпиаде по физике. Потому что непредсказуемость – это мой конёк. И вообще, я жутко опасный тип. Да-да! ||

► Но с Ореховой всё как-то быстро затухло. Возможно, потому, что Гера её терпеть не может.

Нет... я не то чтобы уже прямо зависим от его мнения, но Бабочкин... он вроде как знающий. Во всех этих штуках хорошо разбирается. Мода там, женщины. Не то что некоторые, которые в костюме... который как у гробовщика. Вот, может, как раз из-за него у нас всё и не заладилось с этой

Леной-Миленой! ||

► Может, всё же стоило дать Воробьёвой хоть какой-нибудь шанс? Подумаешь, зубы! Зато у неё вычислительная система скоростная и вообще выходные данные хоть куда. В том плане, что она по-настоящему умная. А то, что некрасивая, так у Ореховой красоты на двоих хватит. Они же лучшие подруги. Одна красивая, другая умная. Видно, в этом весь секрет! ||

► Нет, ну а как иначе объяснить, что воробьёво-ореховский интерфейс – дружественный? ||

► А вообще, иногда достаточно просто посмотреться в зеркало, чтобы тебя сразу осенило. Я вот только что понял: все беды в моей жизни из-за волос! Они у меня ужасные, знаю. Серые!

Нет, я не удивляюсь. Серый человек с серыми волосами. По-моему, всё логично. Просто непонятно – в кого? Родители у меня оба блондины, а Кристинка так вообще рыжая. Получается, я в семье один такой – никакой. Серый, как асфальт. Фломастеры на мне, что ли, закончились?

Недавно я решил тайком покрасить волосы. Выбрал краску, изучил цветовые гаммы, чтобы сразу в нужный оттенок попасть. А то вон Воробьёва каждую неделю волосы красит – то в томатный, то в свекольный – всё никак в баклажановый

не попадёт. Я иногда удивляюсь, как у неё до сих пор волосы не выпали – со всем этим огородом.

Нет, ну правда, есть же нормальные цвета – чёрный или белый, да тот же красный, если уже совсем радикально. Но лично я в этом плане консерватор, поэтому красный сразу отмёл и выбрал бежевый. Объясню почему...

Я решил, что правильнее всего будет краситься поэтапно – чтобы никто ничего не заподозрил. Вот как люди постепенно седеют, так и я буду, только наоборот: сначала стану бежевым, потом коричневым, потом чёрным. Не знаю почему, но чёрный мне особенно нравится. Такой... по-настоящему мужской цвет. Брутальный.

Но вот... буквально только что я посмотрелся в зеркало и неожиданно понял, что чёрный для моего типа личности – это слишком кардинально. У меня же брови светлые. Сразу будет понятно, что я – крашенный!

Вот у Геры – да. У него и брови, и волосы – всё одного цвета. Как раз такого, о котором я мечтал. ||

► Хм... Минуту! Я только сейчас понял, как это выглядит.

Но это – не так! Я не собираюсь подражать Гере. Нет, нет и опять нет. Я же не виноват, что у него такой универсальный тип.

Правда... Я не хочу быть на него похожим. ||

► Ну, может... если только самую малость. Причёской! Вот правда, как он так укладывает волосы? Как будто их вообще никто не трогает, а они просто сами по себе растут под нужным углом. Такие длинные... Моим только дай волю – сразу начинают торчать во все стороны, как у дикобраза. Лучше уж стричься под ноль. Так хотя бы этот цвет мышинный в глаза не бросается. ||

► В общем, я ту краску выбросил. Зачем мне беж, если он планировался как промежуточный? Дождусь уже восемнадцати и сразу налысо побреюсь. А на затылке татуировку сделаю. Что-то вроде «Гриша Чёрный». Или просто «Брюнет»? ||

► Вот это я размечтался! Непонятно о чём и сразу на всю жизнь. Лучше бы помидоры на салат порезал. Скоро Кристинка с тренировки прибежит, её кормить надо. Как же я устал... ||

► Хорошо, допустим, помидоры сами себя не порежут, но и дневник сам себя не напишет. Тем более я не всё сказал! Просто не знаю, как начать. Один сплошной Хармс в голове. ||

► В общем, есть одно стихотворение. Я давно о нём думаю. О ней.

Снова, крича от ярости,
Вулканы стучатся в землю!
Гулким, дымящимся клёкотом
Планета потрясена...

А ты – беспощадней пожаров.
Сильнее землетрясений.
И в тысячу раз беспомощней
Двухмесячного пацана...

Вот эти последние строчки – невероятно! Как с неё списаны. Видно, Рождественский был тем ещё попаданцем. И, главное, додумался же. Конспиратор! Алёнке якобы посвятил. Ну-ну, как будто я такой дурачок и ни о чём не догадуюсь.

А она и правда такая... как пожар. Обжигает! Я всё думаю, что было бы, если бы я до неё дотронулся? Ну вот так просто... подошёл бы и взял за руку. Или даже обнял? А если бы она меня – так вообще...

Нет, не могу об этом думать. У меня сразу кровь колыхнется. И такое настроение, не передать. Как там у Лорки:

Луна плывёт по реке.
В безветрии звёзды теплятся.
Срезая речную рябь,
Она по волне колеблется.
А молодая ветвь

Её приняла за зеркальце¹¹.

Вот так я себя чувствую. Как зеркальце. Я такой, да, всем отвечиваю, кто в меня посмотрится.

И с ней было так же. Мы тогда в столовую пришли, а там котлеты. Я успел подумать: «Потрясающе!» – сел за стол и стал пить компот. А потом поднимаю голову, а за соседним столом она, и тоже – вот это уже, по- моему, совсем невероятно – с компотом!

У меня от удивления даже стакан опрокинулся. Естественно, на брюки... Я ещё потом у себя в кармане целую смородину нашёл! ||

► А она засмеялась...

КАК она засмеялась! Как колокольчик. У меня такой в столе, кажется, с первого класса лежит. И вообще не ржавеет! ||

► Я тогда, наверное, и правда с ума сошёл. Не так, как с Воробьёвой – Ореховой, а по-настоящему. Уже целый месяц прошёл, а динамика сумасшествия у меня до сих пор устойчиво положительная. Может, и с небольшой прогрессией.

И не может, а точно! Я ведь даже на переменах стал из класса выходить. Якобы прогуляться! А сам только и делаю, что глазами кошу, чтобы с ней хоть как-то встретиться. ||

---

¹¹ Перевод М. Самаева.

► Да в той же столовой... Все, наверное, думают, что я с голодного края – раз несусь туда с такой скоростью.

Хотя вот Л. А. однозначно не поверила. Недавно подошла... а я с чаем сижу... и такая:

– Гриша, духовная пища – это замечательно, но белки и углеводы в твоём возрасте намного важнее.

Ну вот зачем? Сделала из меня какого-то монаха...

Может, я просто вегетарианец? ||

► И вообще, мне всё равно. Пусть болтают.

А я как ходил, так и буду ходить!

Вдруг получится опять за тот столик сесть?

И чтобы она тоже села как тогда...

Говорят, молния не бьёт в одно место дважды. Но при моей-то везучести! ||

► Но нет... Зачем мечтать впустую? Тут нужен чёткий план действий!

А у меня даже нечёткого нет... Голова как будто мылом наполнена... ||

► В общем, влюблённый стратег – это мёртвый стратег. Наверняка папа сказал бы что-нибудь подобное. ||

► Про папу, кстати... Забыл объяснить...

Это только кажется, что я весь такой романтичный... стихи читаю! На самом деле это только его заслуга.

А началось всё очень даже прозаично – со стройки. Она у нас дачей называется. И мы на ней уже сто лет пашем.

Ну как мы? Папа! Мама его чисто технически направляет. обои там выбрать, молдинги. Из меня строитель тоже хоть куда – я же эти молдинги в глаза не видел. А Кристинке просто некогда по дачам кататься – у неё тренировки. Так что папа весь этот воз, по сути, сам катит.

Но иногда у него случаются «настроения». Он начинает вспоминать своё детство и то, как они с моим дедом вдвоём строили сарай.

Или баню? Я всё время путаю.

Но это и не важно! Важно то, что строили они этот сарай, считай, из одних камней и глины. Забавно, правда? Два таких Наф-Нафа.

Но вообще это ни капли не смешно. Потому что после деда и сарая из глины папа сразу вспоминает о своём сыне, то есть обо мне. И говорит:

– Одевайся – поехали, пора приобщаться к живому труду.

Вот тут снова смешно. Потому что я даже со своими руками управляюсь еле-еле, а если в них ещё вложить орудие труда... Ну не знаю, по-моему, это какое-то заигрывание с огнём и вообще опасно для общества.

И стройку эту... я её ненавижу! А она – меня.

И я не выдумываю!

Ну вот, к примеру... В прошлом году я чуть не отрубил себе топором ногу. Спасибо сапогу – смягчил удовольствие. Так бы сейчас ходил как пират, с культёй.

Но топор – это ладно. Был же ещё строительный пистолет. Вот где настоящий ужас – вспоминать страшно. ||

► Конечно, если хорошо подумать, я ведь не хотел ничего плохого. Тем более папе! Наоборот, решил разрядить обстановку, подурачиться. Ну и пальнул в него из-за угла...

Но я ведь не знал, что этот проклятый пистолет стреляет гвоздями! ||

► Нет, не буду больше вспоминать... Как он из-за того гвоздя потом месяц ел стоя. ||

► Вот такая проза. А я-то хотел о поэзии рассказать!
Кхм-кхм...

Так вот... Однажды на папу снова нахлынуло. Он сказал – поехали! И – оп – мы уже там.

Вообще, на даче хорошо, уютно. Деревом пахнет. Если бы можно было одному жить, я бы с радостью. Никто тебя не трогает, в шею не толкает, красить окна не заставляет. А папа, конечно, сразу уловил мои робкие мечтания. Есть у него такое свойство... И тут же решил срубить их на корню! Сказал:

– Вот кисточка, вот краска, вот окно. Намёк понятен? Вы-

полный!

Я сказал:

– Слушаюсь и повинуюсь! – И сделал такое счастливое лицо, чтобы он не подумал, что я издеваюсь.

А я и не издеваюсь! Я просто стараюсь его не злить. И при этом всё время думаю: «Да не старайся ты так! Он от этого ещё больше злится».

В общем, я взял кисточку и полез за банкой...

Я просто по-дурацки забыл, что минуту назад уже поставил её на пол, себе под ноги. Ну и наступил, конечно. По самые уши в эту краску вляпался.

Так ладно! Я же весь пол измазал, который сырой и даже не покрыт ничем, в смысле лаком. Он тут же пропитался!

А тут ещё папа явился – работу принимать...

Я думал, он меня в оконную раму вместо стекла вставит. Сиять в этот мир своими светлыми мыслями! Но нет, он просто посмотрел на меня так... как не знаю кто. Как будто я ему не сын, а какой-то жуткий подкидыш и моё место в просмолённой бочке где-нибудь на дне океана...

Он всегда на меня так смотрит! Как будто изо всех сил пытается понять, почему у него, такого крутого армейца, получился совсем не крутой, а сваренный всмятку отпрыск.

Вот и тогда тоже... Я кое-как отмыл ноги, и мы сели в машину. И даже проехали километра два, пока он вдруг не затормозил. И сквозь зубы:

– Знаешь, я тебя не понимаю.

Я хотел сказать: «Удивительное совпадение! Я тебя тоже». Но вместо этого просто кивнул. Зачем бесить человека, если у него уже и так от ярости глаза шкворчат, как подгоревшие яйца.

А он опять:

– Я серьёзно, парень. Чего ты хочешь?

А я так кротко:

– Сейчас или вообще?

Ну а что я должен был ответить? Звезду с неба? Или больше никогда тебя не видеть? Только чтобы по-настоящему – никогда!

Он открыл окно и закурил, но это мало спасало. Окно в смысле.

Я же не переносу дыма. С детства, когда у меня ещё была астма. Потом я её вроде как перерос, но всё равно... от запаха его сигарет сразу мутить начинает.

А он, как будто нарочно, выдохнул всю эту вонь мне в лицо и говорит:

– А знаешь, чего я хочу? Врезать тебе как следует. Чтобы у тебя сразу мозги на место стали. Вот сюда.

Он потянулся и ткнул мне пальцами в лоб. Вроде в шутку, но с такой улыбочкой – подо мной сразу сиденье намокло.

Не потому, что я обделался!

Хотя и до этого было не так чтобы далеко...

Просто я в такие моменты реально теряю связь с телом. Из-за этого его выражения лица. А папа наоборот – толь-

ко заводится. У него, видно, какой-то внутренний механизм срабатывает, как у Фредди Крюгера¹².

Тот же тоже питался чужими страхами! ||

► Я не боюсь. Чего мне бояться, если это – мой папа?! Просто у меня сразу всё во рту пересыхает, и язык, и губы, и я ничего, вот просто ничегошеньки не могу сказать.

Не потому, что не чувствую, нет. Просто мои чувства – они как лифт, который, не доезжая до последнего этажа, возвращается обратно, а потом снова наверх, и опять – вниз, и так до бесконечности, не открываясь.

Это даже представить страшно: ты хочешь выйти, а двери не открываются. Внутри тебя всё толкается и кричит, кажется, сейчас вырвется, но губы склеены, всё – что хочешь, то и делай. Хоть плачь.

В общем, я в такие моменты просто молчу. А что сказать, если ты – вяленая вобла, баран и амёба и ещё неизвестно, какая из трёх составляющих хуже. А папа говорит:

– Если хочешь стать нормальным человеком, начинай шевелиться. Без движения человек разлагается.

Не знаю почему, но я всегда делаю, что он скажет. А психолог, наоборот, говорит – говорил, – что мне нужно учиться отстаивать свою точку зрения. Смотреть фильмы, читать книги, учиться на чужих примерах, которые позитивные. ||

---

¹² Главный злодей серии фильмов ужасов «Кошмар на улице Вязов» (1984–1991).

► Фильмы я люблю, а книги – особенно, но сказать, что они мне помогают становиться позитивным... Нет, такого я сказать не могу. Я в позитивные сюжеты в принципе не верю. Мне они кажутся надуманными. А вот в трагические – да! Эти куда ближе к жизни.

Вот, например, читаю я у Островского про Катерину – как она кинулась в овраг. И я её понимаю! Сам бы тоже, наверное, сбросился, если бы со мной такая пьеса случилась. Там же одна безнадёга!

И ты такой сразу думаешь: «Ого, так у меня ещё куда ни шло!»

Вот и живёшь, получается, благодаря таким Катеринам.

Или Аннам Карениным? Я и её уже изучил.

И Гера, кстати, тоже! Недавно вот сказал Л. А., что Анна Каренина была сумасшедшая. Либо просто глупая, как все женщины! Но он ещё не до конца разобрался с её портретом...

А Л. А. тут же придумала написать к следующему уроку сочинение по теме «Женские образы в классической литературе». Все стали возмущаться, а Л. А. сказала, что отговорки не принимаются и она ждёт от нас шедевры, чтобы выбрать самый-самый и... внимание... зачитать его перед всем классом.

Я сразу почувствовал, как начинаю заболеть, и твёрдо решил, что к следующему уроку заболею окончательно. Чем-

нибудь смертельно опасным, вроде кори. Хотя не знаю. Может, я уже болел?

В любом случае, я решил, что в школу не пойду. Пусть меня режут, пилят и что хотят делают. Но читать свои сочинения я никому не позволю. Это же то же самое, что разрешить читать свой дневник. Ужас! ||

► Но я опять не сказал про поэзию. Как так получается?

В общем, когда папа обозвал меня амёбным бараном, я тут же решил стать козлом. Не в том плане, что подлым. А просто непокорным и упрямым. Я решил доказать, что способен на большее, и натренировать свои умственные способности до уровня сверхчеловека. Ну там речь, память. И случайно вспомнил, что лучший тренажёр в этом плане – рифмы. Нам об этом ещё в начальной школе рассказывали. А я зачем-то запомнил, и, как выяснилось, – не зря. В общем, я покопался в домашнем книжном шкафу, но из поэзии нашёл только Маяковского. Вот с него-то всё и началось.

Не то чтобы я большой ценитель поэзии. Я даже не знаю, люблю ли её. Ну уж точно, что не гурман. Просто принимаю дозированно, как таблетки.

Кто-то же пьёт аспирин от головной боли или там драже от кашля? Так и я глотаю Маяковского от хандры, Хармса от вялости, Есенина от злости. Не знаю, какой у этих таблеток принцип действия, но мне почти всегда помогает.

Например, вчера. Родители стали спорить, в какой лагерь

отправлять меня летом. Мама настаивала на том, в котором я был в позапрошлом году, – для лингвистов. Считай, садистов... Папа начал кричать, мол, надо ехать в «Лесной» – в какую-то крутую школу выживания. Что дяди-Мишин сын якобы ездил, остался жив и, главное, доволен.

Я молчал, а сам думал: «Давайте, что ли, садистов!» И потом, не рановато ли вы начали мечтать о том, как лучше от меня избавиться? На дворе только октябрь!

Но это так была... минутная ирония.

А вообще, я решил, что лучше всего – как можно дольше оставаться в неведении. Собрался и пошёл на стадион – бегать.

Но перед этим ещё раз перечитал Маяковского. Это его «будьте цветочком, благоухайте мамаше и – точка».

Вот после этой точки во мне сразу всё забурлило. Как будто у меня там кофемашина какая-то. Я уже от подъезда такого стрекача задал, что даже кроссовок порвал. Считай, на аварийке летел.

Но не поворачивать же назад, правильно? ||

► Поворачивать нельзя. У меня железный план: разогреться, подтянуться, отжаться и потом уже бежать, пока дышитесь. Так нагрузка на мышцы сильнее. Раньше, до своей программы по саморазвитию, я просто бегал, ни о какой нагрузке особо не думая. Просто с папой за компанию. И мне это страшно нравилось, то, как мы с ним вдвоём тренируем-

ся. Как настоящие друзья! Но потом всё резко изменилось.

Не знаю, может, из-за его работы. Он и правда очень устает!

Но, скорее, всё же из-за меня. Из-за того, что я вырос не таким, как он планировал. Поэтому мы и стали бегать порознь. А я ещё дополнительно отжиматься и подтягиваться, чтобы его удивить.

Наивный дурачок! Сам же прекрасно знаю: папу в этой жизни ничем не удивишь. Я иногда думаю, что, даже если бы отвинтил себе голову, положил в карман и в таком виде явился завтракать, он и глазом бы не моргнул. Сказал бы: «О, явление народу! Уже полвосьмого, а царь ещё не умывался».

Хотя я всегда умываюсь засветло, а потом ложусь в постель – досыпать. И просыпаюсь уже умытым.

Здорово, да?

Только он всё равно ко мне цепляется с самого утра. ||

► В общем, я тогда бежал и крутил в голове свои вечные мысли – о папе. И это меня подстёгивало. Я твердил себе, что выполню программу действий, а может, и перевыполню. В конце концов, сверхчеловек я или кто? Но из-за этого проклятого кроссовка у меня постоянно сбивался темп, и я быстро выдохся. Подумал даже, а может, ну его – этот план? Всё равно о нём никто, кроме меня, не знает! И уже по-настоящему решил смалодушничать, но тут на стадион пришёл Гера.

Вообще, конечно, странная история: Гера и стадион! Никогда его здесь не видел. Я хотел поздороваться, но так разволновался, что вместо обычного человеческого «привет» выдал что-то не по-человечески идиотское. Бабочкин, по моему, даже не разобрал, что я там проямлил. И стал бегать.

И я стал. Точнее, я уже и так бегал и просто побежал со всех ног. Забыл обо всём на свете, и про папу, и про Геру, и, конечно же, про дыхание. У меня даже сейчас, когда вспоминаю, оно сразу пропадает. А бег без дыхания – это же как хоккей без клюшки. Ну как-то так. Гера бы понял. ||

► Пойду всё-таки порежу помидоры. Подышу как следует. ||

► Помидоры порезал, огурцы помыл, подышал. Это мой обычный принцип действий во время паники.

А в беге принцип такой: чем ровнее дышишь – тем дольше бежишь. А чтобы ровно дышать, нужно контролировать каждый вдох и выдох. Один раз пропустишь, и всё, сердце сразу – бах-бах – греметь начинает. А если дышать правильно, бьётся спокойно, как будто плавает под музыку.

Кстати, многие под музыку бегают. Тот же Гера, я заметил. А я так не могу. Я из-за музыки дыхания вообще не слышу.

А вот под Есенина очень даже могу! Просто бегу и читаю. Строчка – вдох, строчка – выдох.

Но когда мы с Герой бежали, у меня все стихи из головы вылетели. Я думал только о том, что скажу, если мы вдруг поравняемся. Не молчать же, в самом деле. Стадион – это тебе не школа.

Не знаю, может, я поэтому так гнал, как ошалевший антилоп. А ягуар Гера гнался за мной по пятам. Ну конечно, он же хоккеист. Ракета! Ему такого, как я, обогнать – раз плюнуть.

Но и остановиться я тоже не мог. Это же сразу позор и смена школы. Мг, в начале года! Лучше уж монастырь тогда, хотя и это – тоже нет, потому что родители.

В общем, пока я размышлял, как пробежать хотя бы ещё круг и не задохнуться первым, неожиданно вспомнил вот что:

Если вы есть – будьте первыми,
Первыми, кем бы вы ни были.

Я не знаю, это такое чувство... Буквально только что я просто-напросто задышался, а через минуту задышал полными лёгкими. Как будто к ним кислородный баллон подключили. Дамы и умирающие господа, его высочество Допинг – Роберт Рождественский. Пара строк и никакой химии.

Первыми будьте и только!
Пенными, как моря.

А дальше я уже бежал и ни о чём не думал. Только чувствовал, как кроссовки ударяются об асфальт. И под коленями гуляет ветер.

А вы трусливых не слушайте,
Вы их сдуйте как пену.
Если вы есть – будьте лучшими,
Если вы есть – будьте первыми!

Смешно, но я ведь даже не сразу понял, что Гера больше не бежит. Потом смотрю, а он на лавке сидит – шнурки завязывает.

Вот поэтому кроссовки должны быть только на липучках. Чтобы никогда не сдаваться. ||

► А вообще, если меня спросят, какая на вкус победа, то я отвечу – солёная. Я ведь так обрадовался, что губу до крови прокусил. Или это были слёзы? ||

► А что? Олимпийские чемпионы тоже плачут во время награждения. Так чем я хуже? ||

► Я же мало того что лишние круги накрутил, так ещё восемьдесят шесть раз отжался. И всё это на глазах у Геры. Да, я крут. Но не тщеславен! ||

► Ну правда... Я хотел просто подойти и сказать ему про

крэссовки. Про шнурки эти... чтобы не расстраивался. А потом смотрю, а никаких шнурков там нет. Липучки. Липучечки.

Йе-е-ес! Я бессмертен! ||

► Конечно, я своего превосходства никак не проявил. И даже не собирался! Зачем, когда у человека и так достоинство пострадало. Просто прошёл мимо. А он мне такой в спину:

– Слава китайскому коммунизму!

Смешно, да? Вообще-то проигрывать тоже надо уметь. Особенно тем, кто и так в непроходящем выигрыше. ||

► А может, он это вообще не мне сказал? Я до сих пор не понял, при чём здесь китайцы. ||

► У меня же вроде глаза не узкие? Или узкие? Вот только этого ещё не хватало! ■

Глава 3. Мир, труд, май

Б

► Всё! Я теперь понял, где видел этого чудика. А то всё смотрю на него и думаю: кого же он мне напоминает?

Сначала на Добби¹³ грешил. Ну серьёзно, прямо до боли знакомые уши! А потом у нас уборка случилась. И мать вытащила из кладовки старые фотоальбомы.

Я сначала к ним даже прикасаться не хотел. Понятно, там же на каждой странице – он. А мать вдруг такая:

– Ой, смотри: здесь же полно твоих детских фотографий. Давай вместе посмотрим!

Но я сказал:

– Спасибо, я как-нибудь сам! – И закрылся с этим хламьём в комнате. Притом на два оборота!

На два, потому что я свою мать знаю. Для неё закрытая дверь – это далеко не намёк, а, наоборот, сигнал к действию. Только уединишься – всё, тут же начинается: «Ой, я тут стирать собралась – давай и твоё закину!», «Ах, я там новый салатик сочинила, будешь?», «Сынкин, ну что ты вечно в этой

---

¹³ Домовой эльф из серии романов о Гарри Поттере, написанной Дж. К. Роулинг с 1997 по 2007 год.

комнате сидишь? Пойдём, что ли, чаю попьём!»

«Сынкин»! А-а-а! Как же она меня бесит!

В общем, я те альбомы под кровать запихнул. А сам уселся за «болталку». Уж не знаю, как так вышло, но для меня теперь этот дневник – что-то вместо зависимости. Вместо, потому что у меня натура такая. Я в этой жизни ни от кого и ни от чего не завишу, даже от смартфона! Вот уж чем-чем, а этим я вообще никогда не страдал. Чатики, топики. Серьёзно, это не про меня вообще. Я же спортсмен. У нас в жизни одна зависимость – от успеха. А остальное – это так, слабость характера.

Но с дневником, конечно, странно получилось. Я же, если вспомнить, его вообще вести не хотел, а потом раз – и втянулся. Прямо приклеился к нему. Или он ко мне? Как будто живой человек какой-то!

Хотя на самом деле – в этом-то и суть, что он не живой и даже не человек. Говори что хочешь – он тебе слова в ответ не скажет. Это же идеальный друг, получается!

Плохо только, что планшет прятать приходится. Из-за матери. Вообще, да? Лучшего друга – и под кровать. Там же пылица!

Вообще, я его и не прячу особо. Потому что, давайте будем откровенны, «под кровать» – это так себе тайник, сомнительный. Особенно если ваша мать такая, как моя, – безграничная, в плане своей вездесущести. О нерушимости территориальных границ она если и слышала, то в каком-то давно

забытом сне.

А про неприкосновенность чужого имущества я вообще молчу! У неё, видите ли, своя декларация ведения домашнего хозяйства. И если мне что-то не нравится, то я могу добиваться статуса беженца и просить политического убежища у бабушки. Мне прямо так и сказали, без всяких там дипломатических сантиментов:

– Не нравится – адъёс!

В смысле, скатертью дорога.

А я, может, и рад бы! Но от бабули на тренировки далеко ездить. Да и потом, это же сразу пожизненная эмиграция. Я мать знаю! У неё если ушёл – значит, ушёл, с концами. А дом есть дом. Тут вайфай, да и кормят периодически. Не рябчиками, конечно, но пельмени регулярно дают. И пиццу заказывают! А у бабули что? Её саму кормить надо. Она же уже как ребёнок! ||

► Кстати, о еде. Не мешало бы пожевать чего-нибудь человеческого. Не в том плане, что я – доктор Лектер¹⁴, но мне вообще-то тоже нужно питаться. Белки там, углеводы! Как говорится, одним святым духом сыт не будешь.

Или так не говорится? ||

► В общем, я вышел на кухню, чтобы хоть горбушку какую пожевать... Довела ребёнка!

---

¹⁴ Серийный убийца из романов Томаса Харриса.

И сама, главное, сидит – фотографии к себе прижимает. Рыдает!

Ну я-а-асно! Опять манипуляции пошли! Когда она уже поймёт, что мне плевать на её трудности? Это я раньше чуть что к ней бросался – утешать. На работе завал – я бегу. С отцом поцапались – я бегу. Устала – я снова рядом. А теперь – всё. Я вырос и сам устал. И вообще, в утешители не нанимался. Пусть вон дневник себе заведёт и в него плачется.

Так и хочется сказать: «Соберись, тряпка!» ||

► Понятно, ничего такого я не сказал. Это было бы слишком, даже для меня. А вот ему бы я точно сказал. Ох, чего бы я ему только не сказал! И про то, и про это. Если бы мог. А с неё что взять, когда она женщина!

В общем, я стоял там как дурачок с этой горбушкой. Делал вид, что соль ищу. А сам только и думал, как сделать так, чтобы она перестала. Мне, конечно, эти её рыдания до лампочки. Пусть ревёт сколько влезет. Главное, чтобы я не слышал.

В общем, соль я так и не нашёл. И разозлился просто до ужаса. Сказал:

– Нам тут в школе задали стихотворение учить. Хочешь послушать?

Сам я все эти стишки на дух не выношу. Даже презираю. Соплевыжималка какая-то. Но мать, знаю, любит. Я как сказал, она прямо востепенулась вся. Закивала.

А я откусил от горбушки и прямо так – с набитым ртом – начал:

Если любовь уходит, какое найти решение?

Можно прибегнуть к доводам, спорить и убеждать...

Мать прямо обалдела. Серьёзно, даже плакать перестала. Может, из-за икоты? Она у неё всегда от сильного потрясения начинается.

Так я давай на полную громкость декламировать. Хотя не так уж это и просто – читать, когда тебе на ухо ик-икают:

Можно вспомнить былое, каждую светлую малость,

И с болью твердя, как горько в разлуке пройдут года...

Дальше я там пропустил немного. Забыл просто. А потом вспомнил и дальше пошёл. Таким голосом, ну вроде как непререкаемым. Таким, каким она меня обычно в школу с температурой 36,9 отправляет!

Если любовь уходит – хоть вой, но останься гордым.

Живи и будь человеком, а не ползи ужом!

Чтец из меня, конечно, ещё тот. Но, как ни странно, даже в таком виде это сработало – мать успокоилась. Я думал, вот сейчас она ещё разик всхлипнет, последний, и тогда уже всё – с сыновним долгом, считай, покончено. Можно будет об-

ратно в комнату идти.

Но куда там! Она опять за разговорчики взялась. Завела свою лебединою песню. Ещё и спасибо сказала.

Вот зачем, а? Неужели нельзя было просто промолчать? Так нет же! Вечно всё испортит. ||

► А со стихами этими вот как вышло. Нам Леокадия дала задание – выбрать что-нибудь из внеклассного, желательно поэтическое, и выучить наизусть. Я сначала подумал: «Что за бред опять? Лучше бы Брэдбери лишний раз обсудили!» И со злости стал заучивать монолог Болконского – тот, который вообще не заучивается, про небо. Ну, чтобы свести её с ума окончательно. Но потом рассудил: «Ещё чего! Размечталась!» И потопал в библиотеку. А там этот – Асадов. Не собственной персоной, конечно. Так, книги.

А я стихи эти, говорю же, терпеть не могу. Но вдруг с чего-то подумал – вай нот? Для Леокадии ничего не жалко! А для общего развития даже полезно. ||

► Вообще, конечно, странно, но я это стихотворение сразу запомнил. Видно, в точку попало. Может, из-за матери? Или из-за Малинки? Я о ней тоже думал, пока читал. Ну, что буду делать, если она меня бросит.

Нет, у нас всё отлично. Даже мысли такой нет. Но, с другой стороны, жизнь есть жизнь. И у неё есть одно золотое правило: либо ты – либо тебя.

Я-то Малинку, понятно, не брошу. Она же не переживёт! Но в теории ведь и сама может. Мало ли. Встретит там какого-нибудь хлыща усатого и надумает со мной распрощаться. Так я ей сразу это стихотворение вверну. Пусть не воображает! ||

► О! Уже пишет мне в «Вайбере». Женщины – они, конечно, от животных многое переняли. Сразу чувствуют, когда пахнет жареным.

Но не все! Мать вон до последнего думала, что это не жареным пахнет, а розами. Ну, в этом вся она. Взрослая женщина, а ведёт себя как наивная дурочка. Будто ей пятнадцать.

Я вот лично сразу всё понял. Он ещё даже вещи не собрал, а я уже смекнул, что чемодан – это и есть конец истории.

Главное, даже не попрощался. Ушёл – и пока: ни ответа ни привета. Единственное, правда, сообщение скинул: «Прости, брат, но я так больше не могу. Люблю тебя. Папа». ||

► «Люблю». Разве, когда любят, так поступают? ||

► Хотя что тут объяснять, когда и так всё понятно. Он же не из-за меня ушёл. А из-за неё.

Честно, я его даже не осуждаю. Человек должен жить там, где ему хорошо. Где о нём заботятся. А здесь что? Мать, которая с утра до ночи на работе, пельмени по средам и суши

по пятницам? Ну хорошо, плюс пицца по субботам. Вряд ли он об этом мечтал.

Я знаю, он другое хотел – дом, борщ, собаку. Вот о чём он мечтал, когда на все эти сказочки подписывался. А тут ему – хрясь на голову такой сюрприз. Ни борща, ни собаки. Зато по всей квартире снимки распиленных мозгов валяются. С припиской на обороте: «Добро пожаловать в счастливую семейную жизнь!»

Я вот уже думаю. Какого чёрта они вообще женились? Жили бы себе поживали. А надоело – разбежались бы, и дело с концом. А тут вон фамилия общая, имущество... Это же теперь делить приходится.

С квартирой-то они быстро разобрались. Понятно, у нас же куда ни плюнь – на каждом квадратном метре по Робин Гуду. Одному ничего не надо, лишь бы народ – то есть мы с бабушкой – не голодал. Второй тоже ничего не надо, и даже народ. Она лишь прикидывается озабоченной нашими судьбами, а сама мечтает о том, как ни о чём не думать и только в своих ненаглядных мозгах ковыряться.

И в чужих тоже. Это у неё вообще – мания.

А меня они, кстати, так и не поделили. Свой главный материальный актив. Ну понятно, это вам не сарай на две части пилить...

Хотя мать иногда пытается.

А вообще, меня другое возмущает. То, что они со мной ни разу не поговорили. А я что – не человек? Гомункул...

Шариков...¹⁵ Или Буратино, которому ключик показали, а он и рад по уши?

У меня как-никак тоже чувства есть! И потом, ну решили вы развестись – ради бога. Но объясните нормально, так и так, Гера, мы с папой будем жить отдельно, а ты, как и прежде, – с нами, только в разное время. День так, день эдак. А не так, что я утром просыпаюсь, а папы уже нет. И на все мои расспросы, где он, получаю вот это вот невнятное хлопанье бровями... ну или чем она там хлопает, когда не знает, что сказать?

Я же тогда чего только не передумал! Навоображал, что он умер – от инфаркта или в аварию какую попал: прямо под КамАЗ! А мать мне просто из жалости не говорит, чтобы не травмировать.

Это бабушке спасибо. Только благодаря ей я до правды докопался. Путём жестокого шантажа! Я ей прямо так и сказал:

– Если не расскажешь – я твой диск с симфониями в унитазе утоплю!

А она мне:

– Только попробуй! Будешь сам сантехника вызывать, когда в клозете новая жизнь забьёт фонтаном!

Ох, бабушка!

А сама испугалась – будь здоров как! Тут же раскололась! Оказывается, папа и не думал умирать. Он просто из дома

---

¹⁵ Персонаж повести «Собачье сердце» (1925) Михаила Булгакова.

ушёл, потому что мать его такой жизнью достала. Бабушка так и сказала – гусыня без головы.

Хотя мать на самом деле умная и вообще в некотором роде гений. Ей в прошлом году даже какую-то премию от больницы дали, ну, вроде как лучшему нейрохирургу. А бабуля этот факт раздула чуть ли не до Нобелевки – так она своей гусыней гордится. Но это касается медицины. А в жизни мать, согласен, тот ещё мозг. Призрачный! Одного мужа и того не смогла удержать. Хоть бы обо мне подумала!

Я как-то словил момент и всё ей высказал. А она мне:

– Ну что ты так расстраиваешься?

Я? Расстраиваюсь? А себя она, интересно, давно в зеркало видела? Худющая, под глазами синяки, не спит вообще – всё фотографии да видео пересматривает, как мы в позапрошлом году на Кавказ с палатками ездили. И ещё с Нового года. Он же, получается, как раз после него и ушёл. Тоже человек. Не мог уже подождать, пока у меня каникулы закончатся.

Потом был период, мы о нём вообще не говорили. Мать с головой в работу ушла, я весь в хоккее, и экзамены эти в конце года, в общем, закрутило. А потом я его случайно на улице встретил. С этой. Оказывается, он не от нас ушёл. Он к ней ушёл!

Я не знаю... Мать, конечно, с этой работой совсем с ума сошла, согласен, но она хотя бы симпатичная. Стройная, ресницы длинные. На неё реально смотреть приятно.

А эта, которая с ним, она кто вообще? Не то чтобы я её там сильно рассматривал, но мне и одного взгляда хватило, чтобы понять: «Мужик, тебя реально заколдовали!» Ни рожи ни кожи, как бабуля говорит. Прыщавая какая-то. Ей что, семнадцать?

А он что – реально не боится? За такое, вообще-то, сажают! ||

► В общем, я тогда в жизни окончательно запутался. А потом услышал, как мать бабушке жаловалась, мол, никакая там не девочка, а вполне себе взрослая тётка – библиотекарем работает. В школе!

Да хоть папой римским в Ватикане! Был бы я на месте матери – пошёл бы и намылил этой прыщавой шеей... желательнее дёгтем, потому что он, говорят, от прыщей хорошо помогает... Но нет! Она вместо этого заявила:

– Если он так решил, пусть живёт счастливо!

Нормально, да? А мы тогда как будем? Я у неё прямо так и спросил. А она мне:

– Гера, мы тоже будем. И очень даже счастливо!

Я прямо взбесился. Начал орать:

– Как? Как будем? Да ещё и счастливо! Без него-то...

А она как страус: сунула голову в песок и стоит – прикидывается, что его с нами никогда не было. Потом вообще заявила:

– Главное, что мы с тобой вместе! И больше нам никто не

нужен.

Нормально так – за меня решать? Ей, может, и не нужен, а мне – очень даже. Да если хотите знать, он мне в сто раз больше нужен, чем она. Это же папа. Мой лучший друг. У меня кроме него – вообще никого нет. ||

► Не было! Потому что его теперь тоже нет.

Честно, лучше бы он и правда просто умер. ||

► Вот до чего я договорился. Надо будет стереть эти записи к чёртовой матери!

Жаль, что их сжечь нельзя! Был бы тогда как Гоголь. ||

► Но это так – мечты, конечно! Нам же потом обмениваться.

Честно, я уже жду не дождусь. Там реально – та-а-акой кадр! ||

► Кстати! Я же хотел про фотографии рассказать. Вечно всё забываю.

Так вот! После той истории с Асадовым я слился обратно в комнату – подальше от матери и её разговоров по душам. Хотел под кровать залечь, для надёжности, но вспомнил, что там альбомы. Ну и достал их от нечего делать – полистать. На себя мелкого посмотреть.

Ох и потешный я был перец! Особенно там, где в косын-

ке. Видно, у меня уже тогда с волосами вся эта ерунда творилась.

В общем, я листал-листал и вдруг наткнулся на знакомую фотографию. Ещё такой подумал: «Странно, где-то я её уже видел!» А потом весь напрягся и – оп – сразу вспомнил.

Расскажу по порядку. Короче говоря, в прошлую среду мы с пацанами пришли на урок к Исааку. Исаак – это наш трудовик. Исаак Борисович, если быть точнее. Вот где страшный человек. А кабинет у него – ещё хуже, особенно стол с тисками. Типа верстак.

Ну это якобы! А на самом деле – пыточный инструмент. Из сердца Средневековья! А в той подсобке, куда Исаак во время уроков наведывается, там, наверное, пропавшие школьники хранятся. Именно хранятся! Потому что наш трудовик – он такой человек, ну, педант. Такие живых улик не оставляют.

В общем, обычно на уроках труда мы тем и занимаемся, что сочиняем страшные истории про похождения Исаака в школьных коридорах. И за их пределами, кстати, тоже. Типа «а помните, как прошлой зимой из соседнего училища трое пропали?».

В общем, хорошенько так сочиняем, с подробностями, а потом нашим девчонкам рассказываем. Эти прямо пищат – так трудовика боятся.

И вот, значит, ситуация.

Однажды Исаак решил навеститься к ним во время чайной

церемонии. Это их трудовица так развлекается – устраивает на уроках тематические вечеринки с угощениями, типа «Вечер в Гаване» с банановым тортом или там «Сибирский полдник» с пряниками.

Так вот Исаака тоже пригласили. Не знаю почему, но догадываюсь! Они там, похоже, друг с другом мутят. А Исаак в тот раз что-то напутал и вместо костюма китайского мандарина вырядился как вождь племени майя. И ещё топорик прихватил, типа мачете. Ну вроде как аксессуар.

А мы с пацанами как раз подкинули этим дурёхам свеженькую историю, где Исаак своим мачете жертвы... того-этого. В общем, они как увидели этого красавца пернатого – стали визжать как сумасшедшие. А Юлька Шилова – она у нас в классе самая толстая и храбрая... бг-г... взяла и горячим чайником в него запустила. Додумалась, конечно!

Хорошо, что директор прибежал и весь этот цирк прикрыл, как лавочку. А Исаака скорая забрала – с травмами различной степени тяжести. Девчонки потом для него пирог испекли, вроде норвежский. И трудовица вместе с ними в ожоговый центр ездила извиняться.

А через три недели его обратно выписали.

Конечно, мы обрадовались! Это же чистый рай на земле – сорок пять минут валять дурака и лепить истории. Ну, может, рамочки какие склеить.

Но восставший из пепла Исаак всех удивил. Заявил, что с сегодняшнего дня мы вместе с ним начнём новую жизнь.

Тоже мне, птица феникс!

В общем, как я понял, он в своём ожоговом явно не ожоги лечил. Иначе с чего бы вдруг ему предлагать нам сделать полку? В смысле не нам, а наоборот, чтобы мы ему сделали. Или себе? Честно, он там такой бред нёс, что я даже половины не понял. Про какой-то фрезер рассказывал. Мы все на него смотрели как на пришельца. А он такой:

– Ну что, дамы? Вы, небось, фрезер в глаза не видели!

А мы хором:

– Видели, конечно! Мы не дамы!

А он такой:

– Ха-ха-ха! Но в руках так точно не держали.

Тут уж все замолчали. Потому что Исаак хоть и предскажем, но в узких кругах известен своим коварством. Ему только скажи: «Держал», – так он наверняка тут же потребует: «А ну покажи!»

В общем, из наших, понятно, никто не захотел рисковать.

А Исаак – ну просто прирождённый маньяк. Как начал нас специально подначивать:

– Ну поня-а-атно, собрались тут неженки.

В общем, психологию жертвы он назубок знает.

И тут – что вы думаете? Этот кадр, который чучело, ни с того ни с сего заявляет:

– А я знаю фрезер! Мы себе такой для бани купили, чтобы доски пилить. С горизонтальным шпинделем!

Исаак как услышал про этот шпиндель, так сразу весь по-

бледнел. Не знаю, может, от зависти. А мы с пацанами вообще обалдели. Переглянулись и так уважительно:

– Ничего себе! Горизонтальный?

А Димка меня в бок толкнул и такие глаза сделал, мол, видал, какой чёрт этот новенький?

А я равнодушно пожал плечами, дескать, меня не удивишь: что я, чертей в жизни мало видел?

Но сам, конечно, тоже изумился.

А Исаак, что естественно, тут же решил проверить чёрта на прочность. Улыбочку такую скроил, типа сейчас я тебе устрою персональный ад со всеми подробностями. И мы тоже стали злорадно посмеиваться. Ну потому что зачем врать-то? Особенно про этот вот... шпindelь?

Но Григорий повёл себя престранно. Тут же согласился. А Исаак вручил ему фартук и сказал:

– Давай, парень. Заменяем с тобой фрезу. Покажем этим цыпочкам, как работают руками настоящие мужики.

Главное, по плечу его хлопнул. Вообще, да?

Короче, мы всем хором двинули к этому фрезеру. Я был уверен, что чучельник в последний момент прыгнет с этой затеи. Но он с преспокойным видом надел фартук, и они вдвоём с Исааком стали что-то химичить. Там, конечно, больше Исаак активничал, но этот тоже крутил – будь здоров как.

А потом вдруг – взынг – и что-то ка-а-ак лязгнуло. Я, честно, даже голову пригнул.

А Исаак ка-а-ак загнул! Из приличного там было только «дьявол!» и «мать-перемать!» И что-то про фрезу, которая крякнула. Но я уже даже не вникал, как такое вообще возможно – фреза и вдруг крякает, потому что на этого смотрел. А он – на меня. Стоит и, главное, руку перед собой держит. А она вся в крови. А-а-а!

Исаак тоже увидел и как заорёт:

– Скворцов, в медпункт беги, живо!

Скворцов, это который Саня, сразу позеленел и выбежал из кабинета. За ним ещё кто-то. А Исаак умчался в подсобку – бинты искать. Я ещё подумал: «Ну конечно, бинты! Небось, побежал школьников из ящичков перепрятывать!»

А остальные просто стояли и смотрели на эту руку, не шевелясь. Я так вообще не мог от неё оторваться!

У меня вот это – пожизненная странность. Вид крови завораживает. Я не маньяк, нет. Но согласитесь, есть в кровавых зрелищах что-то ужасно магическое?!

Хотя, может, я только один так и думаю. Вон мастер-фло-мастер так точно – не из нашего брата. Он как увидел свои пальцы – ка-а-ак дёрнется! А потом – раз – и на нас пошёл.

Реально, так прямо и пошёл с этой вытянутой рукой, как зомби! Шёл, шёл и вдруг стал. И стоит! Весь такой белый, глаза мутные. Прямо перед Крюковым – нос к носу, считай.

И вот тут я вообще не понял, как это случилось. Он просто в какой-то момент стал падать. Натурально заваливаться, как будто ему колени подрезали. А Крюков взял и отско-

чил в сторону. Вот придурок! А этот как грохнулся – прямо переносицей об стол. Мрак! Я, кажется, даже услышал, как у него там в носу что-то хрустнуло. Бр-р.

А ещё я этому беспредельщику Крюкову чуть башку не снёс. Серьёзно, не смешно вообще! И давай бегом к чучельнику. А он лежит лицом вниз и, главное, не шевелится.

Хорошо, у меня генетическая память сработала. Ну а что? Я ведь сын хирурга. И даже правнук – потому что моя прабабушка тоже врачом была. Акушеркой. В общем, я его перевернул, а там синяк на лбу – дурдом просто. И глаза закрыты.

Не то чтобы мне его жалко стало. Просто странно, когда вот так нелепо всё заканчивается. Да ещё и в таком юном возрасте!

Я же реально подумал, что наш фрезеровщик в ящик, того-этого, сыграл.

А он вдруг взял и ожил!!!

И тут же заныл:

– Что с рукой? Отрезало?

А я тоже – тот ещё актёришка. Положил ему руку на плечо и с такой, ну, драматичной интонацией говорю:

– Ты, главное, держись. Всё будет хорошо!

Ну чтобы он всерьёз подумал, что его песенка спета.

А он и подумал! Глаза выпучил. И такой:

– Значит, и правда конец? Я ног не чувствую.

Ой, всё. Я как вспомню – сразу трясёт.

Тогда тоже – прямо колотился весь. Потом успокоился и

говоря:

– Да сам посмотри. Вот твоя рука – живая.

Взял её и ему же под нос сунул. Мол, на, полюбуйся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.